

литературное
ОВО
обозрение

№ 25 (1997)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Сергей Козлов (теория)
Сергей Панов (история)
Татьяна Михайловская (практика)
Абрам Рейтблат (библиография)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Галина Белая (Москва)
Николай Богомолов (Москва)
Вадим Вацуфо (Петербург)
Михаил Гаспаров (Москва)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Москва)
Ларс Клеберг (Стокгольм)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Основат (Москва / Лос-Анджелес)
Омри Ронен (Анн Арбор, Мичиган)
Игорь Смирнов (Констанц / Мюнхен)
Роман Тименчик (Иерусалим)
Евгений Тоддес (Рига)
Александр Чудаков (Москва)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

МОСКВА

Константин Ключкин

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ КОММЕРЦИЯ:
«ПИСЬМА РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»
Н. М. КАРАМЗИНА

Путешествие по Европе в 1789–1790 гг. обошлось Карамзину в 1800 рублей¹. По тем временам сумма немалая, а материальное положение молодого литератора не располагало к радикальным тратам. Что послужило толчком к такому дерзкому предпрятию? Представление о причинах поездки Карамзина дает его рассказ о Карле Филиппе Морице в одной из ранних глав «Писем русского путешественника»:

Человеку с живым чувством и с любопытным духом трудно ужиться на одном месте; неограниченная деятельность души его требует всегда новых предметов, новой пищи. Таким образом Мориц, накопив от Профессорского дохода своего несколько луидоров, ездил в Англию, а потом в Италию, собирать новые идеи и новые чувства².

Душа чувствительного человека требует новых предметов, и путешествие ведет к обретению эмоциональной и интеллектуальной пищи. Знаменитый герой Лоренса Стерна, сентиментальный путешественник Йорик говорит, что «баланс сентиментальной коммерции»³ всегда против путешествующего. «Бедному путешественнику» приходится инвестировать большие суммы денег, чтобы приобрести «капитал знаний»⁴. Инвестиция Карамзина обернулась значительным успехом. Приобретя капитал идей и чувств, он сумел перевести его в сферу беллетристики и, по словам Болотова, «войти в кредит у публики». Карамзину удалось «приохотить» публику к своему сентиментальному товару и потом с успехом обменять его на деньги читателей, вернув таким образом суммы, затраченные им в начале предпрятия. В ходе организованной Карамзиным серии валютных обменов денег на эмоции и эмоций на деньги в России развивался сентиментализм и рос книжный рынок. В предлагаемой работе автор рассматривает центральное произведение Карамзина 1790-х годов «Письма русского путешественника» как модель, эксплицирующую технологию литературной деятельности писателя, и исследует проблему взаимоотношений между сферами экономики и литературы в истории русской культуры.

В редакторской статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России», вышедшей в девятом номере «Вестника Европы» за 1802 г., Карамзин рассуждал о развитии книжного рынка в России:

За 25 лет перед сим были в Москве две книжные лавки, которые не продавали в год ни на 10 тысяч рублей. Теперь их 20, и все вместе выручают оне ежегодно около 200,000 рублей. <...> Господин Новиков был в Москве главным распространителем книжной торговли. <...> [Он] всячески старался приохотить Публику ко чтению, угадывал общий вкус и не забывал частного. Он торговал книгами как <...> купец торгует произведениями всех земель: то есть, с умом, с догадкою, с дальновидным соображением.<...> Купцы, мещане любят уже читать [газеты]. Самые

Автор благодарит И. А. Паперно, В. М. Живова и Е. В. Берштейна за помощь в работе.

бедные люди подписываются, и самые безграмотные желают знать, *что пишут из чужих земель!* <...> Уже почти во всех Губернских городах есть книжные лавки; на всякую ярманку, вместе с другими товарами, привозят и богатства нашей Литтературы. Так, на пример, сельские дворянки на Макарьевской ярманке запасаются не только чепцами, но и книгами. Прежде торгаши езжали по деревням с лентами и перстнями: ныне ездят они с *ученым товаром* <...> Какого роду книги у нас более всего расходятся? Я спрашивал о том у многих книгопродавцев, и все не задумавшись отвечали: «романы!» <...> Не знаю, как другие, а я радуюсь, лишь бы только читали! <...> Хорошо, что наша Публика и романы читает!⁵

По мнению автора, рост читательской аудитории был обусловлен деятельностью Новикова, перенесшего торговые методы в сферу беллетристики. Несмотря на неоспоримость заслуг Новикова, историческая перспектива статьи Карамзина несколько анахронистична⁶. В «Письмах русского путешественника», опубликованных в 1791–1792 гг., через несколько лет после банкротства и прекращения издательской деятельности Новикова, Карамзин предложил читателям картину любви к чтению в Англии как идеал, которого России лишь предстояло достичь:

<...> Англичане просвещены и рассудительны <...>: здесь ремесленники читают Юмову историю, служанка Йориковы проповеди и Кларису; здесь лавошник рассуждает основательно о торговых выгодах своего отечества, и земледелец говорит вам о Шеридановом красноречии; здесь газеты и журналы у всех в руках, не только в городе, но и в маленьких деревеньках⁷.

Этот отрывок предвосхищает картину книжной торговли в России, описанную Карамзиным десять лет спустя в статье о книжной торговле (протитированной выше). В этой статье Карамзин отдаст должное издательским заслугам Новикова и представит его догадливым купцом. Благодаря риторическому пафосу статьи Новиков оказывается «торгашом», и это слово несет положительную коннотацию. Такая проекция коммерческого поведения на сферу просвещения могла бы оскорбить Новикова, неоднократно отделявшего свои высокие моральные устремления от низменных меркантильных интересов. Так, в «Рассуждении об авторах еженедельных сочинений» Новиков писал:

Многие ныне принимаются писать, думая, что хорошо сочинять так же легко, как продавать снурки, серьги, запонки, наперстки, иголки и прочие мелочные товары, коими щепетильники торгуют в деревнях <...>. Щепетильнику нужно только трудолюбие и несколько ума для различения хороших товаров от худых: ибо и продаются оные людям не гораздо просвещенным, то есть таковым, каковы наши крестьяне и крестьянки⁸.

Помимо размежевания коммерции и беллетристики, в концепции Новикова следует отметить отсутствие радушия к читателю из низших классов, присущего позиции Карамзина. Характерный для взглядов Карамзина интерес к популярной литературе (в частности, к роману) также не вписывался в концепцию старшего писателя, пренебрежительно замечавшего, что «от премерзкой прозы подъячие наживаются»⁹. Взгляды Новикова продолжали установившуюся традицию, которая рассматривала писание романов и ориентацию на коммерческий успех как «щепетильничество». Эта традиция получила яркое выражение в журнале «Парнасский щепе-

тильник» (1770), где издатель М. Д. Чулков выступал в роли аукциониста, распродававшего низкий литературный товар, недостойный серьезного читателя. Презрительное отношение культурной элиты к коммерческому писателю было хорошо знакомо Карамзину, ближайший друг которого И. И. Дмитриев жаловался на «корыстолюбивых и безграмотных книгопродавцев, требующих романов в новейшем вкусе»¹⁰.

В контексте этой традиции высказывания Карамзина в статье о книжной торговле были смелыми, и автор это хорошо сознавал, обращаясь к потенциальным оппонентам: «Не знаю как другие, а я радуюсь, лишь бы только читали». Хотя карамзинская проекция литературного меркантилизма на Новикова вызывает определенные сомнения, она проливает новый свет на деятельность самого Карамзина в начале 1790-х гг. В это время молодой писатель впервые независимо выступил на литературной сцене с изданием «Московского журнала», центральным звеном которого были «Письма русского путешественника» (далее: «Письма...»).

К сожалению, довольно мало известно об обстоятельствах беллетристического предприятия Карамзина. Тем не менее, возможна попытка реконструкции некоторых аспектов самоидентификации писателя. Планируя в 1798 г. издание альманаха «Пантеон российской словесности», он писал Дмитриеву: «Греки, римляне, французы, немцы, англичане, итальянцы: вот мой магазин, в котором роюсь всякое утро часа по три! Мне надобно переводить для кошелька моего»¹¹. Иронически представляя себя торговцем, роющимся в «магазине», Карамзин смешивает коммерцию и литературу. В языке конца XVIII века «магазин» как обозначение периодического издания уступал термину «журнал». Тот факт, что единственным успешным журналом с термином «магазин» в заглавии был болотовский «Экономический магазин», подчеркивает меркантильные мотивы самоидентификации Карамзина. Известно, что на протяжении всей жизни Карамзин экспериментировал, создавая для себя и разыгрывая различные социальные роли¹². Образ торговца — один из таких ироничных экспериментов. Несмотря на авторскую иронию, этот образ отражает актуальные финансовые проблемы Карамзина и его отношение к литературной деятельности. Литератор торгует «ученым товаром», и «произведения всех земель» перемешаны в его магазине.

Образ литератора-торговца — часть широкой модели торговли, валютного обмена и коммерции, выступающей у Карамзина в качестве распространенной метафоры литературной деятельности: последняя призвана «возвышать душу; делать ее чувствительнее и нежнее, обогащать сердце наслаждениями и возбуждать в нем любовь к порядку, любовь к гармонии, к добру»¹³. Модель торговли занимала важное место в предприятии писателя, импортировавшего продукты европейской культуры, популяризовавшего и распространявшего их среди растущей читающей публики в России. Само понимание Карамзиным механизма морального и эмоционального прогресса общества соответствовало идеям меркантилистской экономики XVIII века¹⁴. В системе меркантилизма торговля и накопление ценных металлов считались важнейшими источниками национального обогащения. В 1790-х гг. Карамзин проецировал меркантильную модель обогащения на процесс культурного развития. Описывая лондонский Сити в «Письмах русского путешественника», он превозносит пользу роскоши, как функции торговли и денежного изобилия, и подчеркивает ее значение для социального прогресса.

Такая роскошь не возмущает, а радует сердце, представляя вам разительный образ человеческой смелости, нравственного сближения народов и общественного просвещения! Она, питая бесчисленное множество людей, питает деятельность в мире, переносит из одной части его в другую полезные изобретения ума человеческого, новые идеи, новые средства утешаться жизнью¹⁵.

Целью «Московского журнала» было «принести полезные изобретения ума человеческого» сколь возможно широкому спектру русского общества. Для достижения этой цели журнал был эффективным средством, так как он позволял литератору предложить публике богатую и разнообразную информацию, интересную для широкого круга читателей. Первоначально Карамзин рекламировал «Московский журнал» в качестве элитарно-литературного¹⁶. В этом присутствовал определенный коммерческий риск, так как широким спросом пользовалась не высокая литература, но любовные и авантурные романы, научно-популярная, экономическая информация, новости, анекдоты и другие низкие жанры¹⁷. В «Московском журнале» ведущим предметом читательского спроса стали «Письма...», занявшие, благодаря своему разнообразию, центральное место в издании, что отразилось в публичной идентификации Карамзина как «путешественника».

Отличительной жанровой чертой травелога* является само путешествие, обеспечивающее связность текста с потенциально бесконечным набором информации. Эту черту травелог разделяет с авантурным романом, одним из самых популярных жанров конца XVIII века¹⁸.

Травелог легко приспосабливается к другим литературным жанрам¹⁹. В «Английских письмах» Вольтера (1733) он сочетается с философским эссе, в «Новом описании достопримечательностей Парижа» Дюлора (1785) — с популярной историей и путеводителем, в «Путешествии в Африку» Леваяйна (1790) — с этнографическим и географическим описанием, и, наконец, с политической сатирой в «Отрывке из путешествия И.Т.»²⁰ и радищевском «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790). Несмотря на эластичность жанра, в контексте современных им травелогов «Письма...» выделялись редким информационным разнообразием. Такое разнообразие явилось результатом публикации произведения в журнале. Появляясь в ежемесячных выпусках «Московского журнала», «Письма...» приспосабливались к его требованиям. Главы травелога походили на статьи на различные темы, что позволяло Карамзину достичь цели обращения и «к общему, и к частному вкусу». Благодаря, в частности, условиям публикации, «Письма...» стали ареной накопления разнородного «ученого товара». Обмен информацией между журналом и травелогом был очевиден на всем протяжении издания. Так, в первом номере журнала была представлена статья «Самоубийца», первоначально напечатанная вне травелога, а позднее включенная в его отдельное издание²¹. За два года существования журнала «Письма» осуществляли его программу, предлагая читателю «разные анекдоты, а особливо из жизни славных писателей»²², что должно было удовлетворить требования читателей, увлекавшихся новинками литературной моды. Наконец, особенно показательны соответствия между журналом и травелогом в области книжных и театральные обзоров.

Апеллируя к «модной» публике, «Письма» также обращались к читателю, чьи вкусы были проще, и это позволяло журналу достичь широкой ау-

* Травелог (*англ.* travelogue) — повествование о путешествии, путевые записки. — *Прим. редактора.*

дитории. Ранние главы травелога посвящены географии и народным обычаям населения балтийских губерний России. Эти главы отвечали спросу «любителей и охотников до натуральной и художественной <...> истории»²³, о которых писали программы новиковских «Московских ведомостей» (хороший индикатор читательского вкуса). Газетные программы приглашают более просвещенных читателей участвовать в издании, посылая описания «открытий в науках, искусствах и ремеслах»²⁴ для сведения широкой публики. Учитывая читательский аппетит на научно-популярную информацию, «Письма...» обсуждали и темы современной науки. Кроме того, «Московские ведомости» рассчитывали привлечь читателей, публикуя

топографическое описание знатнейших городов, славных своими зданиями, торговлею, науками и тому подобным, и содержащихся в них примечания достойных вещей, продуктов, товаров и проч. <...> Купечество российское <...> от сего чтения приобретает достаточное сведение о всех продуктах и товарах, в каких местах можно получить их в большем количестве и с большими выгодами перед другими городами; <...> верный вексельный амстердамский и лондонский и других знатнейших в Европе торговых мест курс²⁵.

Естественно, «Письма...», описывая иностранные города, отвечали обещаниям газеты. Для нас, однако, важен тот факт, что Карамзин удовлетворял и деловые интересы публики, приводя информацию о «продуктах и товарах», а также о «местах, где можно получить их с выгодами».

В ходе путешествия автор регулярно делает заметки о коммерческом статусе и экономическом состоянии городов, через которые он проезжает. Так, в начале пути Рига описана в основном как процветающий торговый центр, а Кенигсбергу уделено особое внимание как старинному ганзейскому городу, успешно поддерживающему старые торговые традиции. Лейпциг, средоточие торговли книгами, привлекает особое внимание автора и служит поводом для небольшого экскурса, рекламирующего коммерческие выгоды книжного дела («все лейпцигские книгопродавцы богатеют») и призывающего к регламентации отношений между писателями и книгопродавцами²⁶. На всем протяжении путешествия автор приводит информацию о сравнительных ценах на жилье и еду, дающих читателю представление об уровне жизни различных регионов Европы. Описывая Цюрих, Карамзин оспаривает распространенное предвзятое мнение о экономическом положении Швейцарии:

Я слышал прежде, будто в Швейцарии жить дешево; <...> это неправда, <...> здесь все гораздо дороже, нежели в Германии: на прим. хлеб, мясо, дрова, платье, обувь и прочия необходимости. Причина сей дороговизны есть богатство Швейцаров. <...> Обед в трактире стоит здесь восемь гривен; то же самое платил я в Базеле и в Шафгаузене²⁷.

В Париже автор начинает исследование города с посещения Пале-Рояля, который

называется *сердцем, душою, мозгом, извлечением Парижа*. <...> Тут спектакли, клубы, концертные залы, магазины, кофейные дома, трактиры, лавки; тут богатые иностранцы нанимают себе комнаты; тут живут блестящие первоклассные Нимфы. Тебе надобен модный фрак: поди туда, и надень. Хочешь, чтобы комнаты твои через несколько минут были укра-

шены великолепно: поди туда, и все готово. Желаете иметь картины, эстампы лучших мастеров, в рамах, за стеклами: поди туда, и выбирай. Разные драгоценные вещи, серебро, золото, все можно найти за серебро и золото. Скажи, и вдруг очутится в кабинете твоем отборная библиотека на всех языках, в прекрасных шкапах. Одним словом, приходи в Пале-Рояль *диким Американцем*, и через полчаса будешь одет наилучшим образом, можешь иметь богато украшенный дом, экипаж, <...> и если угодно, цветущую Лаису, которая всякую минуту будет умирать от любви к тебе²⁸.

Хотя это описание содержит определенную прагматическую ценность для читателя (например, советы о первоклассных нимфах), оно, очевидно, проникнуто символическим смыслом. В основе отрывка лежит теория меркантильной экономики, в частности, идея о том, что ценные металлы и торговля способны бесконечно воспроизводиться и умножаться, и, как следствие, обуславливать и материальное, и культурное обогащение общества. В этом контексте Пале-Рояль выступает метафорой Парижа, так же как Париж — метафорой мира: произведения всех земель смешиваются и умножаются в пространстве дворца. Но, кроме этого, Пале-Рояль служит метафорой текста «Писем...», в котором сосредоточивается «ученый товар». Чтение «Писем...», как и приобщение к меркантильной жизни Пале-Рояля, способно превратить «самого безграмотного» и «дикого» человека в участника европейской культурной жизни²⁹.

Наряду с практическими рекомендациями о экономических аспектах путешествия читатель находил в «Письмах...» информацию о продуктах культуры, предлагаемых к приобретению в Европе. Отвечая широким меркантильным интересам публики, эта информация могла быть полезна и более узкому кругу потенциальных путешественников, желавших обогатить свои коллекции, а также коммерческим путешественникам, типа Фонвизина, и купцам, типа Клостермана. В начале 1780-х гг. Клостерман и Фонвизин организовали компанию по продаже произведений искусства, после чего последний поехал в Европу приобретать товары для магазинов в Москве и Петербурге³⁰. Среди продуктов культуры, представленных в «Письмах...», выступают «Ван Эйкова картина», ценой больше 100 000 гульденов, копия антикварного анатомического трактата, купленная Берлинской библиотекой за 700 талеров, старинный стол, продаваемый в Кенигсберге за 40 000 талеров³¹. Если коммерческий читатель находил в тексте профессионально важную информацию, то широкая публика получала возможность определять сравнительную ценность разнородных продуктов культуры. Таким образом, деньги функционировали как индикатор культурной значимости³².

В деятельности Карамзина 1790-х гг. наиболее важной функцией денег служила их способность стимулировать моральный и эмоциональный прогресс общества. Функция денег как агента прогресса была предметом научного обсуждения в России XVIII века. Так, И.Г.Рейхель, профессор Московского университета и редактор журнала «Собрание лучших сочинений» (1762), писал:

деньги суть масштаб, которым продажные вещи меряются. Они составляют богатство государства и производят полезное действие, когда они от торгу в движение и кругообращение приведены будут³³.

Текст «Писем...» выступал не только местом, где читатель находил ученый товар, но также и пространством кругообращения валют, кругообращения, служившего источником культурно-эмоционального обогащения публики. В ходе путешествия автор постоянно вступает в монетарные обмены: ежедневные затраты на дорогу, прагматический обмен рублей на европейские денежные единицы, затраты на приобретение культурных продуктов и, наконец, вознаграждение случайных знакомых за вызываемые ими эмоции. Преимущественной моделью всех этих операций выступает обмен денег на сентиментальные переживания. Рассмотрим сначала обстоятельства этих обменов, а затем обсудим то, каким образом они стимулировали моральное усовершенствование публики.

Душа чувствительного человека требует эмоциональной пищи и путешествие дает возможность ее обретения. В то время, как Анахарсис, герой прототипического путешествия Бартельми, передвигался в идеальном пространстве Древней Греции³⁴, реальному человеку приходится считаться с материальными обстоятельствами своего предприятия, и он быстро приходит к заключению стерновского Йорика об убыточности путешествия.

Автор «Писем...» начинает свое предприятие с визита на петербургскую биржу, а заканчивает его на лондонской, когда его деньги подходят к концу:

И так друг ваш уже на море! возвращается в милое отечество, к своим любезным! скорее, нежели думал! От чего же? Скажу вам правду. Кошелек мой ежедневно истощался; становился легче, легче; звучал слабее, слабее; наконец рука моя ощупала в нем только две гинеи... Мне оставалось бежать на биржу, <...> уговориться с [капитаном], <...> и <...> откланяться с палубы Лондону³⁵.

Кошелек, уподобленный живому существу, — продолжение тела путешественника. Постепенное физическое истощение кошелька восполняется эмоциональным насыщением души. Вернувшись в Кронштадт, автор подводит итог своему предприятию:

С каким удовольствием перебираю свои сокровища: записки, счета, книги, камешки, сухия травки и ветки, напоминающия мне или сокрытие Роны <...>, или могилу отца Лоренза, или густую иву, под которою Англичанин Поп сочинял лучшие стихи свои! Согласитесь, что все на свете Крезы бедны передо мною!³⁶

Не менее других сувениров, «счета» способны оживить сентиментальный опыт, приобретенный в путешествии. Инвестиции автора вернулись к нему в форме душевных приобретений, и сделали его богаче последнего царя Лидии. Это волшебное превращение последовательно отражает современные Карамзину идеи о способности кругообращения валюты обуславливать социальное обогащение (см. процитированное выше высказывание И.Г.Рейхеля).

Распространение метафоры валютного обмена принимает различные формы в повседневной действительности путешествия. Автор ищет новых впечатлений, и его открытие чужих языков и территорий неизбежно связано с обменом денежных знаков: в Риге «езде слышишь Немецкой язык — где-где Руской — и везде требуют не рублей а талеров»³⁷. Пересечение географических границ позволяет расширить пределы переживаний.

При въезде в Польшу, а на следующий день в Германию, автору приходится платить таможенникам. При выборе пути привлекательность видов, качество дороги и цена за милю (экипаж, лошади, извозчик) одинаково влияют на решение путешественника. Помимо ежедневных забот, авторская жажда эстетических наслаждений требует особых затрат. Так, посещение оперы в Париже стоит 2—3 рубля, в Дрездене «надобно было еще видеть <...> зеленую кладовую, <...> и чтобы взглянуть <...> и после сказать: *я видел редкость!* надобно заплатить Голландской червонец»³⁸.

Модель валютного обмена ярко представлена в серии эпизодов, описывающих обмен денег на эмоции. Когда случайный знакомый вызывает в авторе сентиментальные переживания, последний считает своим долгом материально компенсировать своего визави. В Лейпцигском саду

девушка в белом корсете, лет двенадцати, подала <...> мне <...> букет цветов. Это мне очень понравилось. Я изъявил ей свою благодарность двумя грошами!!³⁹

В этом эпизоде, стереотипном для сентиментальной литературы, содержится тема обмена между сердцем и кошельком. Девушка открывает сердце путешественника для впечатлений, а он в ответ открывает свой кошелек. Цветы символизируют стимул, деньги — реакцию. Деньги функционируют как измеритель силы чувства, а два восклицательных знака выступают ее дополнительными индикаторами. Функция денег как эквивалента эмоций очевидна в следующем эпизоде. Во время прогулки по альпийской долине автору встречается свадебная процессия, и супружеская пара вызывает его восхищение:

самая прекраснейшая чета, какую только вы себе вообразить можете! <...> Подумав, я вынул из кармана медаль, не золотую, а медную: но у меня не было ничего более <...>. «Возьми ее — сказал я невесте — в знак моего доброжелательства. <...> Прошу тебя принять от меня эту безделку, которую предлагаю тебе от доброго сердца»⁴⁰.

Автор огорчен отсутствием у него адекватного по ценности знака; медная медаль не соответствует силе его впечатлений. Неспособность к материальной компенсации вызывает избыточность речи: «возьми» и «прошу принять», «доброжелательство» и «от доброго сердца». Обмен денег и речи на цветы и эмоции повторяется в Париже:

у дверей всякой *Генгеты* стоят женщины с цветами, берут вас за руку и говорят: *Господин милой, господин прекрасный!* я дарю вас букетом роз. Надо непременно взять подарок, отблагодарить шестью копейками, еще сказать учтивое слово, *un mot de politesse, d'honnêteté*⁴¹.

Если в сентиментальных пространствах лейпцигского сада и альпийской долины внутренняя потребность человека обуславливает обмен денег на эмоции, то в культурном пространстве Парижа такой обмен выступает обязательным элементом поведения.

Через десять лет после появления «Писем...» Карамзин вернулся к теме девушек-цветочниц в «Записках старого московского жителя». В этом эссе автор интерпретирует обилие цветочниц в Москве как знак общественного прогресса:

Смотрю и вижу сельскую невинность, которая, остановясь перед окном моего низенького домика, показывает мне букет свежих ландышей.

Встаю <...>, даю деньги, беру цветы, нюхаю их, и снова ищу в голове мыслей... Но чего лучше? этот букет может быть темой... Без сомнения!... Задумываюсь на минуту и восклицаю: «слава нынешнему просвещению и великим успехам его в Москве белокаменной!» Так, на моей памяти образовалась в столице нашей сия новая отрасль торговли; на моей памяти стали продавать здесь ландыши⁴².

Отрывок воспроизводит знакомый параллелизм развития экономики и успехов просвещения. Если не по «первоклассным нимфам», то по девушкам-цветочницам Москва сравнялась с Парижем в короткий период жизни писателя. Более того, по словам эссе, московские девушки сохраняют идиллическую чистоту (в отличие от джентльменов). В этом эскизе Москвы Карамзин утверждает свою роль в русской культуре, отсылая читателя к теме цветочниц в «Письмах...», а также в «Бедной Лизе» (1792), опубликованной рядом с травелогом на страницах «Московского журнала». Если в обзоре русской книготорговли, процитированном в начале этой работы, он отмечает заслуги Новикова в развитии русского общества, то в «Записках старого московского жителя» Карамзин довольно прозрачно, хотя и анонимно, представляет самого себя агентом культурного прогресса. И у него были для этого основания постольку, поскольку его картины сентиментально-коммерческого обмена привлекли публику и послужили вовлечению целого поколения читателей в сферу беллетристики. Удача «Московского журнала» быстро стала очевидна. Куратор Московского университета Кутузов и цензор Туманский, оба недовольные успехом писателя, признавали, что «распространилось уважение к сочинениям Карамзина» и что «некоторою частью читателей Карамзин одобряем»⁴³. Болотов, незаинтересованный наблюдатель, отмечал, как указано выше: «сочинитель сей час от часу входит в кредит у публики».

Среди причин успеха писателя была установка на то, чтобы «приохотить публику к чтению», выразившаяся в его ориентации на широкого читателя и последовательном рекламировании своей литературной продукции. В этом эпистолярная форма была особенно удобна Карамзину. Хотя травелог формально адресован семье Плещеевых, в самом тексте писем автор не называет имена своих адресатов. Напротив, он интимно обращается ко всем и каждому, начиная свои письма восклицанием «расстался я с вами, милые, расстался!»⁴⁴. Повторные обращения к «любезнейшим друзьям» устанавливают тесную связь между писателем и публикой. Эта связь позволяет автору проецировать на читателя свое образцовое поведение чувствительного человека — участника сентиментальной коммерции.

Описав программные взгляды Карла Филиппа Морица на путешествие (см. выше), Карамзин добавляет: «подробное и <...> оригинальное описание первого путешествия его, которое издал он под титулом *Reisen eines Deutschen in England*, читал я с великим удовольствием»⁴⁵. Указывая на свое поведение по отношению к знаменитому путешественнику, Карамзин намекает читателю, что чтение травелогов и, в частности, его собственных «Писем...» необходимо культурному человеку. Литература выступает важнейшим источником сентиментального самоусовершенствования⁴⁶. Автор постоянно указывает на зависимость своей эмоциональной жизни от образцовых текстов: «Весна не была бы для меня так прекрасна, если бы Томсон и Клейст не описали мне всех красот ея»⁴⁷. Ав-

торская манипуляция читателем достигла успеха. Один из прозелитов Карамзина писал вскоре после появления «Писем...»:

В тень густосплетшихся лесов
С любезным Томсоном иль Клейстом,
С Карамзиным иль с Сент-Ламбером...
И там картины их сличить
С картинами живой природы,
Сличить и с чувством подивиться...⁴⁸

«Письма...» знакомят публику с галереей замечательных людей, служащих образцами чувствительного человека. Знаменитый финансовыми операциями не менее, чем химическими открытиями, Лавуазье, которому богатство служит «средством к размножению их [наук] благотворных действий <...> любит делиться с бедными: одною рукою обнимает их как братьев, а другою кладет им кошелек в карман»⁴⁹. Эмоциональное отношение к бедным программно материализуется как финансовая связь. В благодарность за филантропическую деятельность образцовый человек приобретает общественную признательность. Крестьяне, поддерживаемые швейцарским ученым Шарлем Бонне, «называют [его] отцом и благодетелем». Он «очень много» раздает денег и «сверх того говорит так ласково, <...> что у всякого слезы на глазах навертываются»⁵⁰. Автор «Писем...» и сам принимает участие в филантропическом варианте сентиментальной коммерции, помогая бедным лично и опосредованно:

Лафатер, помощник бедных, <...> продает многия из своих сочинений <...> в пользу неимущих братьев; и собирая таким образом изрядную сумму денег, раздает ее просящим. Я купил у него два манускрипта⁵¹.

Здесь автор выступает учеником образцового современного человека и, покупая манускрипты, приближается к совершенству своего образца. Перенесенное на читателя, это авторское поведение налагает на него обязанность принять участие в усовершенствовании общества путем приобретения следующего номера «Московского журнала» с новыми главами травелога. Денежный вклад читателей в предприятие Карамзина позволяет им принять участие в сентиментальной коммерции и, обогащая свою эмоциональную жизнь, одновременно способствовать социальному прогрессу.

Итак, текст «Писем русского путешественника» Карамзина служил литературной биржей, привлекая широкий круг публики к сентиментальной коммерции. На страницах травелога и, шире, — «Московского журнала», читатель находил разнообразный ученый товар и, покупая новые номера журнала, получал возможность эмоционального обогащения и морального усовершенствования. Идеологический контекст конца XVIII века с его популярными темами бесконечного обогащения и социального прогресса позволил Карамзину перенести меркантилистские модели в сферу литературы. Успех литературно-коммерческой практики писателя предвосхитил подъем журналистики и книготорговли в начале александровского царствования.

Деятельность Карамзина была обусловлена современным идеологическим контекстом. Тем не менее, переводя распространенные европейские идеи в свою беллетристическую практику, Карамзин не имел предшественников в России. Предшествовавшая ему русская культурная традиция

считала литературный коммерциализм унижительным явлением. Писательская практика Карамзина не вызвала сочувствия и у его непосредственных последователей, которые, признавая его литературный авторитет, отвергли меркантилистическую интерпретацию книжной культуры. В начале 1810-х гг., когда Жуковский творил «для немногих», Батюшков написал эссе, впоследствии опубликованное под заглавием «Прогулка по Москве». В нем он оспаривал точку зрения Карамзина на проблемы литературной политики:

Теперь мы видим перед собою иностранные книжные лавки. Их множество <...>. Книги дороги, хороших мало, древних писателей почти вовсе нет, но зато есть мадам Жанлис и мадам Севинье — два катехизиса молодых девушек — и целые груды французских романов — достойное чтение тупого невежества, бессмыслия и разврата. <...>

<...> Вот и целый ряд русских книжных лавок. <...> Кто не бывал в Москве, тот не знает, что можно торговать книгами точно так, как рыбой, мехами, овощами и проч., без всяких сведений в словесности; тот не знает, что здесь есть фабрика переводов, фабрика романов и что книжные торгаши покупают ученый товар <...> на вес⁵².

Саркастически цитируя слова своего литературного предшественника, Батюшков издевается над риторикой карамзинского эссе о книжной торговле. В России начала XIX века романтический индивидуализм пришел на смену сентименталистским устремлениям к общественному прогрессу, а распространение классической политэкономии («фабрика» у Батюшкова) девальвировало меркантилистские идеи. Эти изменения вновь провели черту между сферами экономики и литературы.

Проблема взаимоотношений литературы и коммерции с новой остротой встала в 20-х—30-х гг. XIX века. В это время Карамзин воспринимался как реформатор языка и в первую очередь как историограф. Так, вспоминая о своем знакомстве с Карамзиным во «Взгляде на мою жизнь» (1823), Дмитриев называл его «нашим будущим историографом»⁵³. Имя Карамзина трудно встретить в обсуждениях проблем литературной коммерции. Причиной этого было разделение между сферами экономики и литературы. Сама знаменитая фраза Пушкина «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» указывает на размежевание между искусством и бытом. Если в повседневной жизни Пушкина материальные проблемы играли значительную роль, то в его поэтике экономические мотивы занимают незначительное место. Культурно-идеологическая ситуация 20-х—30-х гг. воспрещала писателю публично смешивать литературу и торговлю. Так, одним из грехов Булгарина было то, что он «внес в литературу торговый дух и непристойность»⁵⁴. Если у Карамзина коммерческие темы были частью просветительской идеологии, то теперь интерес писателя к коммерции воспринимался как постыдное стремление к личному обогащению⁵⁵.

Литературная коммерция считалась делом не писателей, а книгопродавцев типа Смирдина. В статье «Литературные мечтания» (1834) Белинский писал:

<...> Смирдин является главою и распорядителем [нового периода русской словесности]. Все от него и все к нему; он одобряет и ободряет юные и дряхлые таланты очаровательным звоном ходячей монеты <...> производит в нашей литературе жизнь и деятельность⁵⁶.

Агентом литературной коммерции выступает книготорговец. Хотя Белинский хвалит Смирдина, само смещение литературы и торговли вызывает в критике амбивалентные чувства и сарказм. Отрывок воспроизводит мотивы литературно-коммерческого дискурса, введенного в оборот Карамзиным в «Письмах русского путешественника». Но, подчеркивая новизну деятельности Смирдина, Белинский использует элементы карамзинского дискурса бессознательно. Для критика смещение литературы и экономики является принципиально новым, и Карамзин не имеет к этому никакого отношения.

В 30-х гг XIX века характерная черта прений о проблемах литературной торговли состояла в присутствии дискурса Карамзина и отсутствии его имени. Рекламируя новый книжный магазин Смирдина, сотрудник «Северной пчелы» писал:

<...> Смирдин захотел дать приличный приют русскому уму и основал книжный магазин, какого еще не бывало в России. Лет около пятидесяти перед сим, для русских книг даже не было лавок. <...> Деятельность и ум незабвенного в летописях русского просвещения Новикова дали другое направление книжной торговле, и книжные лавки основались в Москве и Петербурге, по образцу обыкновенных лавок⁵⁷.

Заметка из «Северной пчелы» дает описание книготорговли в России, хорошо знакомое нам еще по статье Карамзина для «Вестника Европы». Сотрудник газеты подсознательно использует карамзинский дискурс и одновременно вытесняет имя писателя из своего описания. Текст заметки обусловлен разделением между сферами литературы и экономики, которое установилось в первой трети XIX века. Агентом литературной коммерции выступает книгопродавец, опирающийся на издательскую традицию, начатую Новиковым, а Карамзин, как литератор, не упоминается. Таким образом, изменения статуса книжной коммерции в русской культуре привели к тому, что дискурс, введенный в оборот Карамзиным, продолжал функционировать на протяжении многих лет, а роль писателя в истории и идеологии литературной коммерции была забыта.

Беркли, Калифорния

Примечания

- 1 Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 176.
- 2 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. (Далее: Письма...). С. 46.
- 3 «It will always follow from hence, that the balance of sentimental commerce is always against the expatriated adventurer» (*Sterne L. A Sentimental Journey through France and Italy. // Стерн Л. Избранное в 2-х тт./На англ. яз. Т. 1. М., 1981. С. 335*). В русском переводе А.Франковского это место выглядит так: «Отсюда неизбежно следует, что баланс обмена чувствами всегда будет не в пользу попавшего на чужбину искателя приключений: ему приходится покупать то, в чем он мало нуждается, по цене, которую с него запрашивают» и т. д. (*Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968. С. 549*).
- 4 *Sterne L. Op. cit. P. 338; Стерн Л. Цит. соч. С. 551.*

- 5 Карамзин Н.М. О книжной торговле и любви ко чтению в России. // Сочинения Карамзина. Т. 3. СПб., 1848. С. 545 — 550. Восторженный отзыв Карамзина о Новикове отчасти связан с попыткой последнего вернуться к издательской деятельности в 1802 — 1803 гг.
- 6 Подробное обсуждение коммерческой деятельности Новикова и отношения к ней Карамзина см.: *Marker G. Publishing, Printing and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700—1800. Princeton, 1985. P. 122 — 134.* После банкротства Новикова Карамзин, поручившийся за него и ответственный перед его кредиторами, оказался в сложном положении и рисковал потерять имение. Об этом см.: *Карамзин Н.М. Письма Н.М.Карамзина И.И.Дмитриеву. СПб., 1866. (Далее: Письма Карамзина Дмитриеву.) С. 79.*
- 7 Письма... С. 381.
- 8 Новиков Н.И. Рассуждение об авторах еженедельных сочинений. // *Новиков Н.И. Избранные сочинения. М., 1951. С. 266.*
- 9 Новиков Н.И. [О поэзии классицизма]. // *Новиков Н.И. Избранные сочинения. С. 264.*
- 10 *Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. СПб., 1895. С. 29.*
- 11 Письма Карамзина Дмитриеву. С. 93.
- 12 О «культурных масках» Карамзина см., напр.: *Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры. // Письма... С. 528 — 529. См. также: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 24, 26 — 27, 278. О теме «создания ролей и масок» в европейской культуре XVIII века см., напр.: Lyons J. The Invention of the Self: the Hinge of Consciousness in the Eighteenth Century. Southern Illinois U. Press, 1978. О случае переноса европейских идей, связанных с темой ролей и масок, на русскую почву см.: Kahn A. Self and Sensibility in Radishchev's «Journey from St. Petersburg to Moscow»: Dialogism and the Moral Spectator. // В печати. (Далее: Self and Sensibility...)*
- 13 Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении. // Сочинения Карамзина. Т.3. СПб., 1848. С. 398.
- 14 Несмотря на то, что идеи классической политэкономии проникали в Россию начиная с середины XVIII века, меркантилизм оставался преимущественной экономической моделью. Так, например, имя Адама Смита было связано в основном с эстетическими теориями и его книгой «The Theory of Moral Sentiments» (1759) (см.: *Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. СПб., 1994. С. 132 — 134*), хотя его «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations» (1776) стала известна в России вскоре после ее выхода в Англии (см.: *Гуковский Г.А. Карамзин и сентиментализм. // История русской литературы. Т.5. М., 1941. С. 73*).
- 15 Письма... С. 336. В одном из парижских писем Карамзин превозносит Кольбера: «Великий Министр, слава Франции и Лудовика XIV! Он <...> служил народу, стараясь обогатить его посредством разных выгодных заведений и торговли; служил человечеству, способствуя быстрым успехам Наук, полезных Искусств и Словесности <...> именитыя торговыя общества <...> и почти все Академии остались монументами его незабвенного правления». (С. 283 — 284).
- 16 Объявления о начале издания «Московского журнала» печатались в ноябрьских номерах «Московских ведомостей» за 1790 г. Текст объявлений см.: *Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. (Далее: История русской журналистики.) М. — Л., 1952. С. 497 — 498.*
- 17 Обсуждение сравнительной популярности жанров см.: *Marker G. Op. cit. P. 184 — 212.*

- 18 О взаимоотношениях приключенческого романа и травелога см.: *Роботи Т.* Литература путешествий. // Русская проза. Ред. Б.Эйхенбаум, Ю.Тынянов. Л., 1925.
- 19 Одной из черт сентиментализма как общеевропейского литературного течения была свобода смешения жанров в рамках одного произведения. Об этом см., напр.: *Ellis M.* The Politics of Sensibility: Race, Gender and Commerce in the Sentimental Novel. Cambridge, 1996. P. 8. О жанровом и информационном разнообразии «Путешествия из Петербурга в Москву» см.: *Self and Sensibility...*
- 20 «Отрывок из путешествия И.Т.», иногда приписываемый Радищеву, был напечатан в «Живописце» Новикова в 1772 г.
- 21 Письма... С. 185 — 187. Обсуждение эпизода см.: *Cross A.G.* N.M.Karamzin: A Study of his Literary Career, 1783—1803. Carbondale, 1971. P. 38.
- 22 Объявление об издании «Московского журнала». // История русской журналистики. С. 497.
- 23 *Новиков Н.И.* [Программы «Московских ведомостей».] // *Новиков Н.И.* Избранные сочинения. С. 566.
- 24 Там же. С. 567, 569, 571.
- 25 Там же. С. 567 — 568, 570.
- 26 Письма... С. 10, 19, 64 — 65.
- 27 Там же. С. 120.
- 28 Там же. С. 248 — 250.
- 29 О мотиве «дикого американца» см.: *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма. СПб., 1994. С. 47.
- 30 Фонвизин ездил за границу четыре раза, третий раз в 1784 — 1785 гг. Из каждого путешествия Фонвизин писал письма своим русским корреспондентам. Он предполагал напечатать описание своих путешествий, но это ему не удалось. Письма Фонвизина (*Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений. Т.2. М., 1959) близки по содержанию к «Письмам...» Карамзина.
- 31 Письма... С. 27, 30, 55.
- 32 Фундаментальное исследование различных функций денег см.: *Simmel G.* Philosophie des Geldes. Leipzig, 1900. Из недавних критических работ, исследующих тему денег в культуре XVIII века, следует отметить: *Laqueur T.* Masturbation, Credit and the Novel during the Long Eighteenth Century. // *Qui Parle.* Т. 8 (2), 1995. P. 1 — 19.
- 33 Цит. по: История русской журналистики. С. 150. Высказывание Рейхеля впервые напечатано в «Известии о новом периодическом издании, которое в 1762 году в Университетской книжной лавке в Москве издаваться имеет», затем перепечатано в журнале «Собрание лучших сочинений...», который был переиздан Новиковым в 1787 г.
- 34 *Barthélemy J. J.* Voyage du jeune Anacharsis en Grèce (1788).
- 35 Письма... С. 384 — 385.
- 36 Там же. С. 388.
- 37 Там же. С. 10.
- 38 Там же. С. 55.
- 39 Там же. С. 62. Мотив покупки цветов в литературе русского сентиментализма подробно обсуждается в: *Топоров В.Н.* «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М., 1995. С. 283 — 284.
- 40 Там же. С. 139—40.

- 41 Там же. С. 269.
- 42 Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. // Сочинения Карамзина. Т.3. СПб., 1848. С. 333. Первоначально напечатано в 1803 г. в «Вестнике Европы», подписано «аноним».
- 43 Цит по: *Сиповский В.В.* Н.М.Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. С. 561.
- 44 Письма... С. 5.
- 45 Там же. С. 46. Книга Морица была опубликована в 1783 г.
- 46 О функции литературы как источника самоусовершенствования в период сентиментализма см.: *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма. СПб., 1994. С. 78 — 92.
- 47 Письма... С. 39.
- 48 Стихотворение было анонимно опубликовано в альманахе «Муза». М., 1796. Вып. 3. С. 192.
- 49 Письма... С. 258 — 259.
- 50 Там же. С. 173.
- 51 Там же. С. 117.
- 52 *Батюшков К.Н.* [Прогулка по Москве.] // *Батюшков К.Н.* Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 383 — 384.
- 53 *Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь. СПб., 1895. С. 23. О спорах вокруг «Истории государства Российского» и идентификации Карамзина как «историографа» см., напр.: *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И.* Сквозь «умственные плотины». М., 1986. С. 37 и далее.
- 54 Цит. по: *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И.* Сквозь «умственные плотины». С. 121. Формулировка принадлежит Жуковскому.
- 55 О теме личного обогащения и, в частности, о литературном гонораре см., напр.: *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М., 1991. С. 82 и далее.
- 56 *Белинский В.Г.* Литературные мечтания. // *Белинский В.Г.* Собр. соч. в 9-и тт.. Т. 1. М., 1976. С. 121.
- 57 Цит. по: *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция. М., 1929. С. 235.